

Елена Соболевская

ОЩУТИТЬ ДРУГОСТЬ ДРУГОГО БЫТИЯ...

Гуманитарный дискурс не исчерпывается дискурсом строго научным или же научно-философским. Далеко не все в мире подлежит линейному мышлению, разворачивающемуся как цепочка логически обоснованных суждений. Есть те сферы культуры-жизни, которые обязывают к дискурсу поэтическому, к мышлению и речению интуитивному, многоплановому, схватывающему целое независимо и вне последовательно выводимых положений. И это тем более очевидно, когда мы пытаемся беседовать с теми, кто уже пребывает за чертой мира явлений, особенно если речь идет о поэтах. Они не умерли и не отделились от нас окончательно. С ними возможен диалог и взаимосвязь, если мы способны открыть в себе их бытие и открыться в свете их бытия. Это здесь, в мире так называемых живых, говорить зачастую не с кем и не о чем. Это здесь невозможно установить глубинных, подлинных интимных взаимоотношений, основанных на сокровенном «ты» с уже прорастающим в нем «я». Но как только вступаешь в диалог с теми, кто незримо присутствует в нескончаемом потоке жизни, твоё мышление сталкивается с реальностью совершенно другого порядка: оно преломляется, претворяется, поскольку ты непременно хочешь быть услышанным дорогими твоим сердцу другими, которые смотрят на тебя теперь уже многими очами. В пространстве такого диалога испытывается и укрепляется твоя ноуменальная честность, благопристойность, метафизическое приличие, а таинственное «ты» явственно проступает из глубин самой поэзии, иногда даже вопреки пишущему. Граница, разделяющая жизнь и смерть, проницаема. И я этому диалогу бесконечно рада, тем более что он возможен только пока я нахожусь по эту сторону, а они по ту. При моём туда переселении останется совместное, но при этом бессловесное созерцание вечности.

М. Волошину, автору «Corona astralis»

А нам с тобой не радость встреч дана,
Мы в ласках тел не знаем утolenья,
Всевышние лишили нас забвенья
И обрекли на оплотненье сна.

Мы наблюдаем небосвод со дна,
И в гибели мы зрим преображенье.
Господнее безмолвное смиренье
Нам завещала Каина вина.

Пророки бед и вестники падений,
Мы намечаем цепи восхождений –
Предзаданности скорби мировой.

Наш облик формирует вечный бой.
Прейдя в веках, под возгласы и стоны
Мы убелим истлевшие хитоны.
июнь, 1995.

Три сонета

*Кто оцет жаждал – тот
И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.*

I

Великие настали времена –
Мои свершенья наблюдает Вечность:
Седую от рожденья Бесконечность
Я принимаю, взяв на рамена

Неизреченные доселе имена...
Когда в ночи размежевал тот меч нас,
Пленительное право на конечность
Мне не вернула смертная волна.

На дно души безмерное томленье
Погружено и лунное свеченье
Иных миров мне открывает светлы.

Там первый факел Эроса горит,
Там все в одежды белые одеты,
Там истина предмирная царит.
август, 1994

II

Неизреченные доселе имена,
Покинув им наскучившие дали,
Себе обитель тленную избрали,

Что в продолжение длительного сна

Была лишь их сплетениям верна.
Они её Его устами звали
И таинство вхождения свершали,
Когда спускалась смерти пелена.

Ей смерть была при жизни суждена.
На уровне последнего звена,
В безумии прощального поклона

Нашли восторги в извержении стона
Величью притчи преданные оба
– Таких не разделяет тайна гроба.
январь, 1995

III

Великие настали времена:
Я вновь слуга божественного слова,
И на земле ни радости, ни крова
Я не ищущу. Мне снова власть дана:

Сомнением игры обожжена
И памятью неслыханного зова,
Я упраздняю кружева покровы
На уровне последнего звена.

Тогда в ночи смертельная волна
Сакральные вернула письма –
Ключи припоминания и прозрения.

Лишь тот, кто знаки Божие вмещает,
Узнав, что в смерти новое рожденье,
Ко мне – нездешней – руки простирает.
декабрь, 1994

Осипу Мандельштаму

Дано мне тело – что мне делать с ним...?

Куда уходят светлы слов,
Не ощутивших тяжесть тела?
Неужто через дебри снов
Я не дойду до их придела?

Ко мне взывающую суть
При первом вздрогне узнавания
Спешу в чертог родной вернуть,
Где есть забвенье – нет названья.

Итак – молчанье.
.
.
.

Но, прерывая вязкий путь,
Власть дудочки сладкоголосой
Строфу диктует – не уснуть –
Лови падение без спросу:

«Ты, осязающая тело
И видящая дебри снов,
Твое движение от придела,
Куда уходят светлы слов».

Куда уходят светлы слов,
Не ощутивших тяжесть тела?..
4 окт. 1996г.

Слова уже не бредят на губах
Сквозь трещины сноведенья
Не в силах преодолеть времен
Тягучий страх,
Разлиться жизнью на родных могилах...
О, древняя моя судьба,
Сорвавшегося с древа плода:
Не ведать как,

Не знать *когда*
 Свершится таинство прихода.
 . . . звук осторожный и глухой
 теснит мой взор
 в глубины вещи
 и в час полночный, роковой,
неузнанный,
 незамедлительно морщиной вещей
 являет лик.
 Так путник одинокий,
 Утратив всякую надежду на ночлег,
 Находит первый придорожный камень...

Анне Ахматовой

Последний начинался срок
 С убранств, невиданных доселе.
 Преодолеть земной порог
 В подлунных судорогах ели
 Стремилась,
 Оставляя нам
 Немоты смысла.
 – Не узнать.
 Я, смертная, готовлю вещи
 И вижу, что
 Уж рукоплещет
 Меня избравший черный цвет...
 Тянусь к пределу без названья.
 Не обернуться б на прощанье.
 (Всем уходящим в назиданье –
 Столпы из слёз.)
 И ещё: одного б вторжения
 Избежать,
 Но не тут-то было:
 Через вещь, что всегда носила,
 Как преддверие не-полета,
 Та поэма, что без кого-то,
 В опустевшую келью вошла.
 Гостье – слово и царское кресло:
 «Смерти – нет – это всем известно,

Повторять это стало пресно,
 А что есть – пусть расскажут мне».
 Православный сочельник, 1997

Вариации на тему

*Но была для меня та тема,
 Как раздавленная хризантема
 На полу, когда гроб несут.*

Первая

Она себе приход соорудила,
 Когда её я уж и не ждала,
 И, проступая сквозь мои чернила,
 Произнесла заветные слова.
 Давно знакомые
 Меня не узнавали,
 Отгородившись вереницей лет,
 Они ту тему сами обыграли,
 Которой имени на свете нет.
 февраль, 1997

Вторая

Вот пришла бы сразу «Седьмая»,
 Вызывающая немоту,
 Но безжалостная «Вторая»,
 Нарушая дремоту мысли
 Уж пожаловала.
 Разрыв? –
 Неразлучные разлучимы
 Временем. – Не минуешь
 Сквозную тему,
 Что раздавленную хризантему
 Из потока тех похорон,
 Как последний земной поклон,
 Бережно перенесла
 В дом,
 А затем –
 В наступающее столетье
 февраль, 1997

Третья

А если это на века
 И нет возврата?..
 Мне говорили облака,
 Что смерть крылата.
 Но всё надеюсь:
 В плавный круг
 Она вольётся,
 И если ночью умер друг,
 К утру вернется...
 В пробел
 Между двумя мирами,
 Где раз помысленное нами
 Свои сплетает кружева...
 – Не упразднишь. Узор не дремлет.
 Всегда-иной соединит
 Сей час разрозненные части. – Тема:
 С движением моей руки
 Вновь розовеют лепестки –
 И – оживает хризантема.
 март, 1997

Михаилу Бахтину

Я не герой своей жизни.

С тех пор как Смерть
 На долгожданной тризне
 Освоила котурны и оркестру,
 Рыдая, песнь козлиную тянула,
 С мятущейся душой вела беседу,
 Я ощутила середину жизни:
 Освоила котурны и оркестру...
 Единым стали автор и герой.

Марине Цветаевой

*Я запомнила три стены.
 За четвертую не ручаюсь.*

Сие четвертая стена?!
 Спиной к стене стены не знаю
 И в забытьи лишь три считаю...

– Марина, здравствуй!

Марина, здравствуй! Что стена,
 когда меж явственными нами
 самой поэзии волна
 растёт приливами, мостами?!
 Я знала, где тебя искать,
 и вот уже вершится встреча.
 Благо-дарю, что различать
 Ты научила в слове третий
 Мир...
 Какое счастье –
 край стола...
 рассвет на рельсах и дорога
 заморозила... завела
 сновиденьем и сновиденьем слога.

Иосифу Бродскому с благодарностью

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.

Не выхожу из комнаты –
 всё, как ты и советовал.
 Ужасом мгла полнится
 особенно перед рассветом
 непроходимость аорты,
 душит соленая влага,
 все очертания стерты,
 но за порог ни шага.
 Вот она безысходность!
 Жизнь меня вытесняет.
 Стены пришли в негодность –
 тени не сохраняют.
 Не выхожу из комнаты.
 Ты ведь не зря настаивал.
 Здесь все круги разомкнуты,
 там игра не по правилам.
 Выжгли нутро дочиста...
 испепелили... сплавляли
 фамилию-имя-отчество,
 сердце пока оставили –

следующее на очереди.
 Гибель мне обеспечена.
 Не постареть, не ссузуться.
 Лучше вечностью быть изувеченным,
 чем бунтующей улицей.
 Не дотянутся до неба мне.
 Не нахожу посредников.
 Тебя ещё точно не было
 в кругу моих собеседников.
 Не выхожу из комнаты.
 Разлука растёт бездною.
 Веки давно сомкнуты.
 Сама себе соболезнаю.
 Благодарю за напутствие.
 Будем теперь встречаться.
 Там мы с тобой отсутствуем.
 Смысла нет возвращаться.

ЗМІСТ

Розділ 1. ГУМАНІТАРНИЙ ДИСКУРС ТА ДИСЦІПЛІНАРНІСТЬ

Афанасьев А., Василенко И. Трансдисциплинарность и профессионализм	8
Бородин Н. Перспективы трансдисциплинарности в применении частнонаучных методов	19
Райхерт К. Гуманитаристика Чарльза Уильяма Морриса	27
Vak M. Failure of morality	37
Михальчук И. Космология Эмпедокла и ее социокультурный контекст	48
Кожем'якіна О. Концептуалізація легітимативної функції політичної довіри в сучасному гуманітарному дискурсі	59

Розділ 2. ДИСЦІПЛІНАРНЕ РОЗМАЇТТЯ ГУМАНІТАРНОГО ДИСКУРСУ

Тихомірова Ф. Соціальне знання в епоху трансдисциплінарності ...	71
Мартынюк Э., Никитченко Е. Исследование конвергентных процессов современной религиозной жизни	84
Кирилюк О. Трансдисциплінарна імплементація універсально-культурної концепції екзистенціальної семіотики (огляд літератури)	93
Погонченкова Е. Проблема философского антиковедения в контексте гуманитарного знания	114
Рибка Н. Лінгвокреативна діяльність по створенню сучасних мифів	123
Янушевич И. Английский язык как выразительное средство рефлексии в философском дискурсе	133
Романов А. Трансдисциплинарные основания интерперсонального психоанализа Г. С. Салливана	143
Тихомірова Ф., Тихоміров П. Системна методологія як інструмент дослідження соціальної реклами	153

Розділ 3. ГУМАНІТАРНИЙ ДИСКУРС У ЦАРИНІ МИСТЕЦТВА

Соболевская Е. Серебряный век как социально-историческая эпоха и культурно-исторический тип	161
Ковалева Н., Левченко В. Иммерсивность как механизм создания новой художественной реальности	173